

Натали Синегорская

Чтобы все были здоровы

художник Игорь Савин

Натали Синегорская
Чтобы все были здоровы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Синегорская Н.

Чтобы все были здоровы / Н. Синегорская — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

Кого только не приходится лечить студентам-целителям на практике! Но
такого пациента, пожалуй, у них не было ни разу...

– Пить на дежурстве – последнее дело, – нравоучительно произнес Бабулин и аккуратно, но быстро опрокинул в себя содержимое трех рюмашек, любовно наполненных Поэтом.

Мы разочарованно загудели. Точнее, гудели только я и Поэт, а Мышь тихонько сидела в углу, намереваясь сползти под кушетку, и делала вид, что она не с нами, нас не знает и третья рюмка предназначалась не ей.

– Ну Владборисыч, – ныла я, посылая Мыши гневный взор «у-у-у, предательница», – новый год же.

– Мы по чуть-чуть же, – вторил мне Поэт, он вообще любит быть втОрой возле примы. – Юз грамм, и все!

– На дежурстве нельзя! – голос Бабулина стал ледяным, под стать погоде. – Вас, салаг, этому не учат, что ли?

Я хотела тактично заметить, что он, Бабулин Владислав Борисович, врач-травматолог и наш временный шеф, и сам на дежурстве. Но пожалела Мышь, которая сжалась до размеров таракана. Взгляд ее недвусмысленно умолял не болтать лишнего. Оценки за практику нам ставил именно Бабулин.

– Так ведь через полчаса дежурство кончается, – заискивающе произнес Поэт, устремляя взор на тумбочку, где покоились оставшиеся полбутылки.

– Вот через полчаса и начнете спиваться, – великодушно разрешил Бабулин, улегся на вторую кушетку и моментально вырубился.

– Мышь, вылазь, – сказала я.

– Вылазь, – эхом отозвался Поэт. – Хоть салат дозреет. А ты, Птица, чего сидишь, как на жердочке? Ныряй в тумбочку.

Я уже протянула руку за полбутылкой, как вдруг...

Собственно, почему «вдруг»? Что такого особенного в команде «дежурная бригада, на выезд» для дежурной бригады, пусть и скомплектованной из практикантов?

Ничего.

Но...

Было одно «но».

Точнее, два.

Во-первых, Бабулин выпил водку с устатку и без закуси, а значит, был совершенно неподъемен. То есть, придется ехать без него. Отправляться на вызов нам, двум салагам, студентам ФИЦИ – факультета истинного целительского искусства.

Во-вторых, этого вызова никак не могло быть.

– Я не понимаю, – лепетала Мышь. – Не знаю, как получилось, правда. Все вероятностные линии указывали на крайне малую возможность...

– Но ненулевую, – сказала я.

Мышь горестно кивнула.

– Ладно. Поэт, собираемся.

Сашка Радищев, полный тезка известного поэта и писателя, за что и получивший свое прозвище, нехотя поднялся. Бросил страдальческий взор на тумбочку (нас вынуждают расстаться, но это не навсегда), взял чемоданчик, и мы отправились на выход.

– Не скучай, – сказала я Мыши.

– Дождись нас, – добавил Поэт.

Мышь наконец выбралась из угла, поняла, что гроза миновала и улыбнулась.

– Это на отшибе – проворчал шофер дядя Клим Сергеич. Старенький «ПАЗик» тщательно лавировал между снежными завалами. – Знаю я тот район. Дорога плохая, дальше очень плохая, а потом никакой дороги вообще.

– Никакой? – спросили мы с Поэтом.

– Никакой, – подтвердил дядя Клим Сергеич. – Поэтому вот от той березы пойдете пешком.

На отшибе, метрах в ста от «той березы» находился всего один дом. С одним окошком. И без признаков тропинки от проезжей дороги.

По уши в снегу (вру, всего по пояс) мы наконец доползли (доплыли, догребли) до заветной дверцы.

Едва стукнув, получили разрешение войти. И даже за веревочку дергать не пришлось – дверь оказалась открытой.

Сеней в этой избушке не было, всего лишь маленький предбанник, отделенный от единственной комнаты (эдакой древней студии: спальня, гостиная, кухня – три в одном) ветхой дерюгой.

– Ой, дохтур, это ты? Ой, наконец-то, а то надьсь едва не помёрла, – жалобно запричитали-закряхтели из-за дерюги.

Я отдернула занавеску, вошла в комнату. Ответила:

– Почти. Почти дохтур. Даже два почти дохтура.

– Два, – подтвердил Поэт, рьяно отряхиваясь от снега, как собака от блох.

– А Бабулин где? – неожиданно ясным голосом спросила бабка, приподнимая голову от подушки.

В дупель твой Бабулин, хотела огрызнуться я, но Поэт предупредительно пихнул меня локтем в бок. Я только крикнула. Поэт же очень вежливо сказал:

– Не беспокойтесь, бабушка... э-э-э..., – тут он сверился с листком вызова и продолжил, – не беспокойтесь, Настасья Изя... Изяславна, мы хоть и молодые, но уже многое умеем.

Бабуля Настасья Изяславна оценивающе оглядела нас с ног до голов, что-то там про себя прикинула и снова перешла на жалобное крикание, сморщившись и страдальчески закатив глаза:

– Ой, сына! Ой, доча! Раз уж вы дохтуры, помогите, будьте добреньки. Прострел у меня намедни случился. Дык таперича ни в поясице сгинаться, ни в ей же разгинаться не могу. Болить, окаянная, и все тут.

Бабка зачем-то натужно выдавливала из себя простонародный говор, хотя я могла поклясться – грамоту она разумеет гораздо лучше нас.

Поэту было до фени, на какой фене изъясняется бабка. Он деловито кивнул сперва мне, потом Настасье Изя... короче, бабушке, прошел к кровати, сел на стул и стал собирать анамнез: где болит, когда заболело, давно ли наслаждаетесь сим недугом, чем хворали в глубоком детстве, какие еще хрони и хрени имеете, и все такое. В общем, отвлекал пациента, пока я занималась ментальной диагностикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.